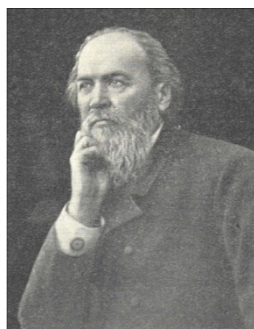

Я. П. ПОЛОНСКИЙ
(1819 – 1898)

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. –
Мне мерещатся странные сны.

Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды –
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

УЗНИК

Меня тяжелый давит свод,
Большая цепь на мне гремит.
Меня то ветром опухнет,
То все вокруг меня горит!
И, головой припав к стене,
Я слышу, как больной во сне,
Когда он спит, раскрыв глаза, –
Что по земле идет гроза.
Налетный ветер за окном,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако с дождем
Несет на сонные поля.
И Божьи звезды не хотят
В мою темницу бросить взгляд;
Одна, играя по стене,
Сверкает молния в окне.
И мне отраден этот луч,
Когда стремительным огнем
Он вырывается из туч...
Я так и жду, что Божий гром
Мои оковы разобьет,
Все двери настежь распахнет
И опрокинет сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.
И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить в густых лесах,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться в шумных городах...
Пойду, среди живых людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забывать позор моих цепей.

* * *

Не мои ли страсти
Поднимают бурю?
С бурями бороться
Не в моей ли власти?..
Пронеслася буря –
И дождём и градом
Пролилася туча
Над зелёным садом.
Боже! на листочках
Облетевшей розы
Как алмазы блещут
Не мои ли слёзы?
Или у природы,
Как у сердца в жизни,
Есть своя улыбка

И свои невзгоды?

УТРО

Вверх, по недоступным
Крутизнам встающих
Гор, туман восходит
Из долин цветущих;
Он, как дым, уходит
В небеса родные,
В облака свиваясь
Ярко-золотые –
И рассеиваясь.
Луч зари с лазурью
На волнах трепещет;
На востоке солнце,
Разгораясь, блещет.
И сияет утро,
Утро молодое...
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное?
Ни единой тучки
На лазурном небе!
Ни единой мысли
О насущном хлебе!
О, в ответ природе
Улыбнись, от века
Обреченный скорби
Гений человека!
Улыбнись природе!
Верь знаменованью!
Нет конца стремленью –
Есть конец страданью!

НОЧЬ

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, –
Так люблю, что страдая люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..
Что мне звезды – луна – небосклон – облака –
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росинки цветка,
И, как путь золотой, через море бежит?
Ночь! – за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез,
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,
Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!
Что мне сумрак холмов – трепет сонный листов –
Моря темного вечно-шумящий прибой –

Голоса насекомых во мраке садов –
Гармонический говор струи ключевой?
Ночь! – за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум –
Все, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, –
Так люблю, что страдая люблюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, –
Оттого, может быть, что далек мой покой! –

ЗВЕЗДЫ

Посреди светил ночных,
Далеко мерцающих,
Из туманов млечными
Пятнами блуждающих
И переплывающих
Небеса полярные,
Новые соизждутся
Звезды светозарные.

Так и вы, туманные
Мысли, тихо носитесь,
И неизъяснимые
В душу глухо проситесь,
Так и вы над нашими
Темными могилами
Загоритесь некогда
Яркими светилами.

* * *

Мой ум подавлен был тоской,
Мои глаза без слез горели;
Над озером сплетались ели,
Чернел камыш, – сквозили щели
Из мрака к свету над водой.

И много, много звезд мерцало;
Но в сердце мне ночная мгла
Холодной дрожью проникала,
Мне виделось так мало, мало
Лучей любви над бездной зла!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон... не жди рассвета;
Но и в туманах декабря
Порой мне шлет улыбку лета
Похолодевшая заря...

На все призывы без ответа
Уходишь ты, мой серый день!
Один закат не без приветов...
И не без смысла – эта тень...

Вечерний звон – душа поэта,
Благослови ты этот звон...
Он не похож на крики света,
Спугнувшего мой лучший сон.

Вечерний звон... И в отдаленье,
Сквозь гул тревоги городской,
Ты мне пророчишь вдохновенье,
Или – могилу и покой.

Но жизнь и смерти призрак – миру
О чем-то вечном говорят,
И как ни громко пой ты, – лиру
Колокола перезвонят.

Без них, быть может, даже гений
Людьми забудется, как сон, –
И будет мир иных явлений,
Иных торжеств и похорон.

ВЕК

Век девятнадцатый – мятежный, строгий век –
Идет и говорит: «Бедняжка человек!
О чем задумался? бери перо, пиши:
В твореньях нет Творца, в природе нет души.
Твоя вселенная – брожение сил живых,
Но бессознательных, – творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется, как поток.
И, на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес, –
Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес,
И червь, и твой кумир; фантазию твою
Я разбиваю в прах... покорствуй, я велю!»
Он пишет – век идет; он кончил – век проходит.
Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит, –
И снова слушает бедняжка-человек,
Что будет диктовать ему грядущий век...

В АЛЬБОМ К. Ш...

Писатель, – если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,

Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

БРАНЯТ

По всем землям, на всех морях
Ты слышишь гул изветов ложных
И бранный крик на всевозможных
Тебе знакомых языках! –
Бранит тебя иноплеменник,
Бранит тебя родной твой сын,
Бранит свободный твой изменник
И брат твой – пленный славянин;
Бранит хохол великорусский,
Бранит малороссийский лях,
Великорусс, в узде французской,
И немец, в русских орденах;
Бранят тебя, – как будто знают!
Бранят, когда воображают,
Что ты наукой растлена
И что измены семена
В тебе посеял враг лукавый;
Бранят за то, что ты верна, –
Гордишься суетною славой
И чтешь орлы да знамена;
Бранят за то, что ты богата,
Не деньги любишь, а почет
И потеряла всякий счет
Тобой растраченного злата;
Бранят за то, что ты бедна,
Разорена, истомлена, –
Громада слабости примерной;
Бранят за то, что ты страшна
Своею силой непомерной
И можешь манием руки
Поднять Европу на штыки;
Бранят за то, что лицемеришь,
Таишь под маской простоты
Честолюбивые мечты;
За то, что слишком веришь ты,
За то, что никому не веришь
И ничего не признаешь;
Бранят за правду и за ложь,
Бранят за раннюю свободу,
Бранят за то, что не дают
Свободы твоему народу...
За все бранят, за все клянут!
И если я, поэт твой бедный,

Свою надсаживая грудь,
Спою тебе какой-нибудь
Хвалебный стих или гимн победный, –
О! закричат, – кого надуть
Он хочет? – человек он вредный,
Позор народа своего!
И ежели не лоб он медный,
То – льстец, – наплюем на него...

Но этих криков и клевет
Не струсит никакой поэт, –
Гордиться будет нареканьем,
Когда твой ум или твой дух
Ему послужит оправданьем.

* * *

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.
Он как титан колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он – уму,
И от богов не ждет ответа.
Своим пророческим стихом
Тревожа сон мужей солидных,
Он сам страдает под ярмом
Противоречий очевидных.
Всем пылом сердца своего
Любя, он маски не выносит
И покупного ничего
В замену счастья не просит.
Яд в глубине его страстей,
Спасенье – в силе отрицанья,
В любви – зародыши идей,
В идеях – выход из страданья.
Невольный крик его – наш крик,
Его пороки – наши, наши!
Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен – и велик.

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Оттого ль, что в Божьем мире
Красота вечна,
У него в душе витала
Вечная весна;
Освежала зной грозою
И, сквозь капли слез,
В тучах радугой мелькала, –

Отраженьем грез!..
Оттого ль, что от бездушья,
Иль от злобы дня,
Ярче в нем сверкали искры
Божьего огня, –
С ранних лет и до преклонных,
Безотрадных лет
Был к нему неравнодушен
Равнодушный свет!
Оттого ль, что не от света
Он спасенья ждал,
Выше всех земных кумиров
Ставил идеал..
Песнь его глубокой скорбью
Западала в грудь
И, как звездный луч, тянула
В бесконечный путь!..
Оттого ль, что он в народ свой
Верил и – страдал,
И ему на цепи братьев
Издали казал, –
Чую: – дух его то верит,
То страдает вновь,
Ибо льется кровь за братьев,
Льется наша кровь!..

А. А. ФЕТ

Нет, не забуду я тот ранний огонек,
Который мы зажгли на первом перевале,
В лесу, где соловьи и пели и рыдали,
Но миновал наш май – и миновал их срок.
О, эти соловьи!.. Благословенный рок
Умчал их из страны калинника и елей
В тот теплый край, где нет простора для метелей.
И там, где жарче юг и где светлей восток,
Где с резвой пеною и с сладостным журчаньем
По камушкам ручьи текут, а ветерок
Разносит вздохи роз, дыша благоуханьем,
Пока у нас в снегах весны простыл и след,
Там – те же соловьи и с ними тот же Фет..
Постиг он как мудрец, что если нас с годами
Влечет к зиме, то – нам к весне возврата нет,
И – улетел за соловьями.
И вот, мне чудится, наш соловей-поэт,
Любимец роз, пахучими листьями
Прикрыт, и – вечной той весне поет привет.
Он славит красоту и чары, как влюбленный
И в звезды и в грозу, что будит воздух сонный,
И в тучки сизые, и в ту немую даль,
Куда уносятся и грезы, и печаль,

И стаи призраков причудливых и странных,
И вздохи роз благоуханных.
Волшебные мечты не знают наших бед:
Ни злобы дня, ни думы омраченной,
Ни ропота, ни лжи, на все ожесточенной,
Ни поражений, ни побед.
Все тот же огонек, что мы зажгли когда-то,
Не гаснет для него и в сумерках заката,
Он видит призраки ночные, что ведут
Свой шепотливый спор в лесу у перевала.
Там мириады звезд плывут без покрывала,
И те же соловьи рыдают и поют.